

А. А. Бурыкин, Н. А. Добронравин, В. А. Попов

БЕЛОРУССКИЕ ТЕРМИНЫ РОДСТВА В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОМ КОНТЕКСТЕ¹

Термины родства (ТР), хотя и являют собой типичный и часто представляемый в учебниках яркий пример тематической и лексико-семантической группы слов, на материале русского языка и восточнославянских языков (ВСЯ) изучены недостаточно. Как показало специальное обращение к материалу [Бурыкин 2009], даже в приложении к русским ТР возможно отметить целый ряд сложных проблем, не говоря уже о тех же вопросах в применении к украинскому и белорусскому языкам [Попов, Бурыкин, Добронравин 2012]. Одна из них, как ни странно, — неясность самого состава ТР в русском литературном языке и его диалектах на разных синхронных срезах, в том числе на синхронном срезе конца XX — начала XXI в., причем хронологические границы функционирования ТР и системы терминов родства (СТР) размываются источниками, превратившимися в языковой канон, прежде всего словарем В.И. Даля (1-е изд. 1861–1868, 4-е изд. 1912–1914), который при всем уважении к нему и его автору, отражая узус середины XIX в. и соответствующие ему представления о стилистической системе русского языка и его истории, уже не может признаваться ни словарем живого русского языка, ни словарем живых русских говоров. Как оказалось, и словарь украинского языка Б.Д. Гринченко не охватывает всего многообразия украинских ТР, многие из которых зафиксированы только в более поздних современных диалектных словарях. Вторая причина — это искусственное конструирование узуса и фрагментов лексической системы современного русского языка, ориентированное на специфические в социальном и хронологическом отношении источники (тот же словарь В.И. Даля и, возможно, исторические

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 11-01-00467а «Традиционные и современные системы родства восточных славян: опыт исследования структурно-типологической специфики в исторической динамике».

словари русского языка), предлагаемое множеством ревнителей чистоты и самобытности русского языка и нашедшее яркое выражение в одной из недавних монографий [Казаченко 2010]. Эти явления так или иначе влияют на изучение проблемы ТР на материале диалектов и говоров русского и других ВСЯ, специальные исследования немногочисленны и недостаточно насыщены даже тем лексическим материалом, который хорошо известен по классическим словарям.

Сравнение состава ТР ВСЯ позволяет выделить в нем две группы материала. Первую группу составляют такие термины кровного родства, как *отец, мать, брат, сестра, дед, бабушка*, и термины свойства — *зять, тесть, тёща, свёкор*. Эти ТР в ВСЯ и тем более в диалектах показывают значительную близость формы и значения. Вторую группу составляют термины, различающиеся по форме, хотя бы в словообразовательном отношении, в отдельных языках и диалектах, а также те термины, которые выступают проявлением специфических особенностей СР и СТР в отдельных языках и диалектах.

Описание восточнославянских ТР, которые в отдельных языках и диалектах образуются от разных основ и демонстрируют собственный состав значений и иногда заимствуются, требует поисков единого подхода, который позволил бы наблюдать архаизмы и инновации, отмечать черты специфики системной организации ТР в языке или говоре, характеризовать мотивационные отношения для диалектных ТР. В нашем описании мы основываемся на единстве производящих основ для рассматриваемых терминов, в основе которых лежат непроемные ТР, имеющие собственные системы значений.

Материал белорусского языка, анализируемый далее, выбран из сводного тематического словаря белорусских говоров [Чалавек 2006]. Дополнительно привлекались словарь белорусского языка И. Носовича [Носович 1870], краткий словарь белорусской диалектной лексики Л. Шаталовой [Шаталава 1975], словарь диалектной лексики восточных районов Могилевской области [Бялькевіч 1970], диалектологический атлас белорусского языка [1963], словарь говоров западной Брянщины [Расторгуев 1973], Смоленский областной словарь [Добровольский 1914] и данные по смоленским

говорам [Расторгуев 1960], а также материалы пятитомного «Лексического атласа белорусских народных говоров», в третьем томе которого документированы некоторые ТР [1996].

Как уже отмечено, большинство терминов кровного родства и заметная часть терминов свойства в белорусском языке оказываются совпадающими по значению и близкими по форме к русским ТР: *бацька* ‘отец’, *маці* ‘мать’, *бабка*, *бабуля*, *бабуся* ‘бабушка’, *дзед*, *дзядуля*, *дзядуня* ‘дедушка’, *сын* ‘сын’, *дачка* ‘дочь’, *дзядзька* ‘дядя’, *цётка*, *цёця* ‘тётя, тётка’ (ср.: *дзядзіна* ‘тётка, жена дяди’), *муж* ‘муж’, *жонка* ‘жена’, *зяць* ‘зять’, *дзевер* ‘деверь’, *цесць* ‘тесть’, *цешча* ‘тёща’. Многие другие ТР довольно значительно различаются в русском, украинском и белорусском языках и тем более в диалектах и говорах этих языков.

1. Белорусские термины родства, производные от основы *брат-*.

Брат, *братка*, *браток*, *братачка*, *брацік*, *братуля*, *братуня*, *братуха*, *братушка*, *братухна*, *брацейнік*, *браценік*, *брацішка*, *брацец*, *браха*, *брахна*, *брахнейка*, *браханька*, *брахнинька* ‘брат’.

Братанька, *брахника*, *брахник*, *брацейка*, *брацитка* [Носович 1870: 32–33], *браценник* — «не родной брат» [Носович 1870: 33]; *братеник* — «двоюродный брат» [Расторгуев 1973: 54], *брацішка* — «младший брат» [Бялькевіч 1970: 91].

Братава(я), *братовая*, *браціха*, *браценіха*, *братавенка*, *братавуха*, *братоука* (также *небога*, *ятровіца*, *ятроука*, *трывінка*, *утрывінка*, *нявестка*) ‘жена брата’ [Чалавек 2006: 57].

Братан, *братанак*, *братанец* *братаніч*, *братовец*, *браценік* (также *вейкаліс*, *сыновец*, *сястран*, *сестранец* (не включено в группу ‘сын сестры’), *нябожа*, *нябожка*, *небож*, *нябог* ‘племянник, сын брата’. Ср. диал.: *нябог* ‘племянник’, *нябога* ‘племянница’ [Шаталава 1975: 113].

Братаніч ‘муж сестры’.

Братанка, *братаніца*, *братанічна* ‘племянница, дочь брата’.

Братко, *брацельнік*, *браценік* и *браценнік*, *браціш*, *брашень*, *брошень*, также *стрэчны*. *Стрешны*, *стренны*, *стредняк*, *дзядзькавич*, *дзядзькевич* *пабрацім* — двоюродный брат по отцу.

Братанка, *браценніца* ‘двоюродная сестра’ (*браценніца* ‘двоюродная и троюродная сестра’ [Чалавек 2006: 65–66]).

В русских говорах производные от основы *брат-* в своем большинстве обозначают сиблинга или кузена эго мужского пола (старший или младший родной или двоюродный брат). Значения «племянник» у слов *братанич* и *братённый* на фоне параллелей из других языков, где они многочисленны, могут выглядеть архаической. Лишь четыре производных *братаниха*, *братова* и *братаница*, *братинья*, обозначающие соответственно жену брата и двоюродную сестру, относятся к родственникам женского пола.

В белорусских говорах формы для названия брата столь же разнообразны и также имеют свою специфику на словообразовательном уровне. Возможно, в белорусских говорах как-то реализована тенденция к обособлению наименований сиблинга и кузена (родного и двоюродного брата): любопытно, что аналоги русским именованиям «двоюродный» и «троюродный» в других ВСЯ отсутствуют, а обороты *в перших* ‘двоюродный’, *в других* ‘троюродный’ в украинских словарях при характеристике материала встречаются весьма редко. Характерная особенность белорусских говоров — большое количество названий супруги сиблинга от основы *брат-*; названия племянницы (дочери брата) в белорусском и украинском языках почти полностью совпадают при отсутствии этих форм в русских говорах. Если русские наименования сына брата *братанич* и *братённый* стоят почти изолированно в континууме производных, то в украинских и белорусских говорах их аналоги встречаются в изобилии и в гораздо большем разнообразии суффиксального оформления.

2. Белорусские термины родства, производные от основы *сестр-*

Сястра, сястрыца, сястрыцка, сяструля, сяструха, сяструхна, сяструшка, сёстра ‘сестра’, *сестринька* [Носович 1870: 578].

Пасестра, сяструха, сястронка, сяструнка, сяструшка, сяструхна ‘двоюродная сестра’.

Сястрынец, сястрыніч, сестрычын, сястрычыч ‘сын сестры’ (ср.: *сястран, сестранец* — не включено в группу «сын сестры») [Чалавек 2006: 61].

Сястрынка [Носович 1870: 578], *сястрынка, сестраниця, сястрычна, сестрычына, сястрычна* ‘дочь сестры’.

В украинских говорах широко представлены обозначения потомка сиблинга эго женского пола независимо от пола потомка —

«племянник — сын сестры» и «племянница — дочь сестры» (ср.: *сестрічна, сестріниця, сестрівниця* ‘племянница, дочь сестры’ и *сестрінец, сестрінич, сестрінок* ‘племянник, сын сестры’). То же самое характерно для белорусских говоров. Ни в украинском, ни в белорусском языках образования от основы *сестр-* не отмечены в функции терминов свойства, что усиливает предположения о случайном характере таких форм в русских говорах и соотносимости их с вокативными формами.

3. Белорусские термины родства, производные от основы *сын-*

Сынава, сынавая, сынова, сыновая ‘невестка — жена сына’, *сыновец* ‘племянник’.

Поскольку для современных русских говоров мы вообще не располагаем документацией производных от основы *сын-* в значении каких-либо ТР, наиболее полную картину производных от основы *сын-* в формальном и содержательном отношении дают белорусские говоры. Состав ТР с основой *сын-* в белорусских говорах соответствует тому, что мы видим в украинских.

4. Белорусские термины родства, производные от основ *вуй-* и *стрый-*

Вуек, вуй ‘брат матери’, *вуйшак* ‘двоюродный брат матери или отца’.

Вуенка ‘жена брата матери’ (хотя обычно *дзядзина* и *цётка*).

Стрый, стрыек ‘дядя по отцу’; *стрыйчик* [Носович 1870: 619]/

Стрыенка ‘жена брата отца’.

Стрыечка ‘двоюродная сестра’. Ср. диал.: *стрыечный* — «двоюродный» [Шаталава 1975: 169].

В материалах по русскому языку нового времени (с XVI в.) и в современных русских говорах это различие не прослеживается за отсутствием надежных данных. Показательно, что и в словаре В.И. Даля на слово *вуй* приведен только пример из летописей, а производные от этого слова не указаны. При форме *уй* (помета «стар.») даны производные: «*Уец, уйчич, вуец, племя*’ (sic!- Авт.), сын дяди, материна брата. | *Уец*, племянник по сестре. *Уйка, вуйка*, жена уя, тетка по свойству; | тетка родная, по матери, сестра ее».

Приведем статью «Стрый» из словаря В.И. Даля: «**СТРЫЙ**, *стрий, строй, стрыйца* м. стар. южн. зап. Брат отцу, дядя по отцу;

уй, вуй, дядя по матери. Петр роди Георгия и Иоанна; Иоанн роди Марину: Георгий Марин стрый. *Стрый великий*, стар. брат деда или бабки, двоюродный дед. *Стрый малый*, кормч. двоюродный брат отца или матери. И во избрании были: стрыйко наш, князь Швидригайло. Акты. *Стрыйный*, к нему относящийся. *Стрыйный первый брат*, двоюродный; — *второй брат*, троюродный; — *третья сестра*, сестра в 4 м роде; — внука, дочь двоюродной жениной сестры, Кормч. также: *стрийчичь* и *стриечка*, двоюродный брат, сестра, по отцу *стриечный* и *стриыйный*, двоюродный; *второй (другой) стрыйный*, троюродный. *Стрыя, стрия, стрыня*, Отчая сестра, тетка по отцу; вел. и мал. *стрыня*, сестра деда, двоюродная сестра его». Из содержания ее становятся очевидными два факта: во-первых, слово *стриый* документируется только письменными памятниками, причем для поздних фиксаций это материалы, относящиеся скорее к украинскому или белорусскому, нежели к русскому языкам, во-вторых, собственно русские диалектные данные, способные документировать слова *вуй ~ уй, стрый* и их производные, отсутствуют даже у В.И. Даля. Третий факт, выявляемый из изложенного ниже — некоторые производные, например, *уец, вуец* не имеют параллелей ни в украинском, ни в белорусском языках, и происхождение их не вполне ясно.

В «Словаре русских народных говоров» [2012, 42: 7] даны формы *стриый, стрий* со значением «дядя по отцу, брат отца», однако единственные документирующие их материалы — это словарь В.И. Даля. Похоже, что отсылки к южным и западным говорам, имеющиеся в этой краткой статье словаря, указывают на украинские и белорусские, но не на русские говоры.

Слова *вуй, вуйко* и *стриий, стрик* для обозначения сиблингов матери и отца мужского пола в современном украинском языке рассматриваются как диалектные (об этом свидетельствуют специальные пометы в современных двуязычных словарях; отсутствие каких-либо помет в словаре Б. Гринченко не свидетельствует ни о чем). В отдельных говорах отмечаются варианты для обозначения супруги дяди по отцу или по матери, а также наименования их потомков, приходящихся кузенами эго. В белорусских говорах термины с этими основами отмечены в гораздо меньшем количестве, а образуемая ими система выглядит менее полной, чем та же

система в украинских говорах. Образование *вужашак* («двоюродный брат матери или отца») свидетельствует об ослаблении и нейтрализации роли пола коннектора (отец — мать) при появлении новых значений терминов и изменении норм их употребления.

5. Белорусские термины свойства

Термины свойства, или родства по браку, в ВСЯ и их диалектах показывают значительно меньше различий, чем отдельные термины кровного родства. По сути дела, основной предмет интересов в этой области сводится к некоторым лексическим заменам, наблюдаемых в говорах, и к тому, что уже привлекало наше внимание, — словообразовательной вариативности отдельных общеславянских ТР. По причине немногочисленности материала термины свойства в ВСЯ представляется возможным рассмотреть в одном разделе настоящей статьи.

А. Русск. *невестка* и его формальные белорусские эквиваленты.

Нявестка, нявеста, нявехна, сынава, сынавая, сынова, сыновая, нябога, нябогая, чалядзинака, снохва ‘невестка, жена сына’.

В наименовании жены сына или жены брата между восточнославянскими языками наблюдается разительный контраст. Фактически мы не имеем украинских и белорусских параллелей для хорошо известного в русском литературном языке и говорах слова *сноха* — «жена сына, реже — жена брата» (гипотеза о том, что термин *сноха* относится к узусу свёкра, не подтверждается фактами) [Бурыкин 2009]. Параллели к этому слову в ВСЯ, в частности белорус. диал. *снохва*, редки настолько, что не отмечены у Фасмера [Фасмер 3: 700]. Значения «жена сына» и «жена брата» в украинском и белорусском языках разводятся за счет образований от основ *сын-* и *брат-* соответственно.

Б. Русск. *золовка* и его белорусские параллели.

Залюка, заловачка, залвіца, зальвица, зялвица, залувица, залвуха, заувица, завица, зовица, залавица, завичка, также *сваячына, ятроука* ‘сестра мужа, золовка’.

Любопытно, что по количеству вариантных форм для обозначения сестры мужа белорусские говоры демонстрируют максимум разнообразия в континууме ВСЯ и превосходят (по крайней

мере в имеющихся сводках) русские говоры. Вместе с тем бессуффиксальные русские диалектные формы *золова*, *золовь*, которые должны быть наиболее архаичными, не имеют аналогов в белорусском языке. Украинское *зовиця*, несомненно, восходит к **золвица* и поддерживает общевосточнославянский характер данного образования.

В. Русск. *свекровь* и его белорусские эквиваленты.

Свякроу, свякрова, свякроука, свякруха, свякрухна, свякрушка, свякра, свякрявя, свекрэвіха, свекры, свёкры, свекратка, цесцева. спажа ‘свекровь, мать мужа’, *секров* [Шаталава 1975: 159]. Ср.: белор. *свекор, свекратак, спадзін* ‘свёкор, отец мужа’ [Чалавек 2006: 65] с рядом синонимичных форм, не имеющих аналогов в других ВСЯ.

Привлекает внимание то обстоятельство, что при разнообразии форм термина со значением «мать мужа» форма *свекра* встречается во всех ВСЯ. Складывается впечатление, что форма на -*ū* оказалась довольно рано замененной формой на -*ā*, которая осталась единственной в украинском языке. Принципиально важным оказывается то, что в этом и подобных случаях полностью отсутствует тенденция к семантической дивергенции вариантных форм.

Г. Русск. *шурин* и его белорусские эквиваленты.

Шурыак, шурак, шур, шурын, швагер, швагра, швагор, швагрусь ‘шурин, брат жены’; *шурьяк* ‘шурин’ [Расторгуев 1973: 291].

Швагер ‘муж сестры’.

Швагерка ‘сестра жены’, также *швагрэня, свэсьць. Швагерка* ‘своячина’ [Носович 1870: 708], *швагрэня* ‘жена шурина’ [Носович 1870: 708; Бялькевіч 1970: 496].

Русское *шурин* («брат жены»), не имеющее других значений и обладающее минимум вариантов по форме, в говорах имеет точное соответствие в украинском языке (*шурин*) и (с вариантами) в белорусском — *шурын, шурыак, шурак*. Значения «брат жены» фиксируются у заимствованного слова *швагер* в белорусских говорах (другие значения у этой лексемы в белорусском языке отсутствуют, и это слово является названием брата жены в белорусском литературном языке), и в украинских говорах. Немецкое *Schwager*, при посредстве польского языка ставшее источником для украинских и белорусских слов, имеет следующие значения: «деверь»;

«шурин»; «зять (муж сестры или золовки)»; «свояк» (что мы и наблюдаем в разных пропорциях в нашем материале). Польское *szwagier* ‘шурин’, ‘свояк’; ‘деверь’ не имеет значений «зять, муж сестры» (впрочем, тут нужны польские диалектные данные). Образованные от данной лексемы термины, обозначающие женщин, в украинских и белорусских говорах единичны и сильно разнятся по форме и значению.

Д. Реликты слова *ятровь* в русских и белорусских говорах.

Ятровь, ятровка, ятруква ‘жена братняя, невестка’ [Носович 1870: 728], *ятровка, ятровка, ятрошка, ятровица, ятрыноука, вятроука, патроука*, также *братовуха, трывинка, нявестка* ‘жена одного брата по отношению к жене другого брата, жена брата мужа’, *ятроўка* ‘невестка (жена мужниного брата)’.

Ятроука ‘сестра мужа’.

Ятровица, ятровка, трывінка ‘жена брата’.

Свесь ‘сестра жены’ [Шаталава 1975: 158].

В современных русских говорах, во всяком случае по данным завершенных диалектных словарей, слово *ятровь* («свояченица, жена брата мужа») не представлено (М. Фасмер приводит лишь диал. *утровка* — «свояченица» [Фасмер 4: 569]). Единственное исключение — форма *ятровица* в орловских говорах: «Эть жына диверя и шурина» [Жукова 2008: 22–23], что позволяет критически относиться к материалу тех сводов русских ТР, где данный термин числится актуальным для русской СТР. Следовательно, нам остаются материалы, представляющие украинские и белорусские говоры. Как мы полагаем, именно к последним относится и единичная фиксация термина *ятроука* в словаре В. Добровольского: «Смоленск. *ятроука* ‘невестка’» [1914: 1021].

Итогами данного исследования являются следующие наблюдения и выводы:

1. Однородность состава и СТР в таких близкородственных языках, как ВСЯ, оказывается весьма иллюзорной. Различия в составе и системе значений ТР охватывают как отдельные языки в литературной форме, так и их многочисленные диалекты и говоры.

2. Значительная вариативность по языкам и отдельным говорам наблюдается в отношении обозначения потомка сиблинга незави-

симо от пола (рус. лит. *племянник/племянница*), супруги сиблинга и супруги потомка (рус. лит. *невестка*).

3. Основы ТР *брат-* и *сестр-* оказываются весьма продуктивными в говорах всех ВСЯ и за счет различий в словообразовательных средствах создается синонимия отдельных ТР внутри говоров и дистинкция ТР в отдельных говорах. Значительно меньшей по сравнению с указанными основами продуктивностью характеризуется производящая основа *сын-*.

4. Обозначения сиблингов и кузенов в говорах ВСЯ не имеют отчетливой дифференциации, которая оказывается характерной только для литературных языков.

5. Различение родства по мужской и женской линиям утрачено русским литературным языком и русскими говорами, оно сохраняется только в украинских и белорусских говорах, будучи уже нетипичным для украинского и белорусского литературных языков. Искусственная активизация ТР *вуй*, *стрый* и их производных не находит поддержки ни в диалектах, ни в поздних этапах истории русского литературного языка, определяющих тенденции эволюции современного русского литературного языка.

6. Лексические микросистемы, выявляемые внутри тематической группы ТР в отдельных языках и говорах, как представляется, имеют относительно позднее происхождение и связаны с фактами конкретных говоров на уровне лексики и словообразования.

7. Диалектные материалы по разным историческим периодам белорусского языка со второй половины XIX в. свидетельствуют о том, что в СТР белорусского языка и его диалектов происходят изменения, что и отражается в вариативности состава белорусских ТР в разных словарях.

8. Близкородственный характер ВСЯ в применении к ТР проявляется в значительном сходстве части ТР (термины кровного родства в разных поколениях и термины свойства в разных поколениях) и заметных различиях в обозначении кровных и некровных родственников 0 поколения, также в синонимических и словообразовательных рядах (*брат*, *сестра*, *золовка*, *шурин*, *свояченица*), образованных от основ слов *брат* и *сестра*.

Бібліяграфія

Бурыкин А.А. Современная русская система терминов родства и свойства: материал, лингвистическая и этнографическая проблематика // Алгебра родства. Вып. 12. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 208–290.

Бялькевіч І. Краёвы слоўнік Усходняй Магілёўшчыны. Мінск, 1970.

Гринченко Б.Д. Словарь української мови. Київ, 1907–1909. Т. 1–4.

Добровольский В. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914.

Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Мінск, 1963.

Жукова Н.А. Названия, примыкающие к терминологии родства // Русская речь в современном вузе. Орел, 2008. С. 20–24.

Казаченко Б.Н. Русское родство: прошлое и настоящее. М., 2010.

Лексіка гаворак Беларускага Прыпяцкага Палесся. Мінск, 2008.

Лексічны атлас беларускіх народных гаворак. Т.3. Мінск, 1996.

Носович И. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870 (репринт, München 1984).

Попов В.А., Бурыкин А.А., Добронравин Н.А. Системы терминов родства восточных славян // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2011 г. СПб., 2012. С. 307–314.

Расторгуев П. Говоры на территории Смоленщины. М., 1960.

Расторгуев П. Словарь народных говоров Западной Брянщины. Минск, 1973.

Словарь русских народных говоров. Вып. 1–44. Л., 1965 — СПб., 2012.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1964–1972. Т. 1–4.

Чалавек. Тэматычны слоўнік. Мінск, 2006.

Шталава Л. Беларускае дыялектнае слова. Мінск, 1975.